

Дементьев Н.Е., Маковский В.В.

КРЫМСКИЕ КОЛХОЗЫ 1920-х ГОДОВ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В советской историографии за последние 40 лет утвердилось мнение, будто при проведении массовой коллективизации сталинисты отступили от ленинского кооперативного плана и тем самым подменили ленинскую аграрную политику сталинской. Чтобы прояснить данный вопрос, обратимся к ленинскому наследию дореволюционного периода по аграрному вопросу. Известно, что на IV съезде РСДРП в 1906 году Ленин активно добивался включения в аграрную программу российских социал-демократов требования о национализации земли как меры буржуазно-демократической. Но Ленина тогда не поддержали даже его сторонники по большевистской фракции, в том числе и Сталин, голосовавший за предложения «разделистов»ⁱ.

В апрельских тезисах 1917 года Ленин вновь поставил вопрос о национализации земли, но уже рассматривал ее как меру социалистическую. «Мы должны требовать национализации всех земель, т.е. перехода всех земель в государственную собственность центральной государственной власти».

Для чего нужна была социалистическому государству земельная собственность? Ленин отвечал: «...мы должны внутри крестьянских

комитетов добиваться образования из каждого конфискованного помещичьего имения крупного образцового хозяйства под контролем Советов батрацких депутатов»ⁱⁱ. Ленинские предложения легли в основу резолюции по аграрному вопросу VII (апрельской) конференции РСДРП (б), главными требованиями которой были: «конфискация помещичьих

земель, национализация всех земель в государстве, переход земель в руки Советов крестьянских депутатов, организация крестьянской бедноты и создание ее Советов, организация на базе помещичьих имений крупных образцовых коллективных хозяйств»ⁱⁱⁱ. Как видим, здесь не просматривается лозунг «земля – крестьянам». Этот лозунг содержался в проекте декрета о земле, подготовленном ЦК эсеровской партии. Этого факта не скрывал и сам Ленин, считавший необходимым принять этот проект в качестве временного закона до созыва Учредительного собрания. В своем докладе о земле на II Всероссийском съезде Советов Ленин говорил так: «Не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ними были несогласны». И далее: «пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем решать этот вопрос. Жизнь рассудит, кто прав. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте»^{iv}. Что следует из сказанного Лениным до революции и в первые дни Советской

Районы	Число владений	Общая площадь	Средний размер владений	Пахотных земель	Лугов	Садов и других спец. культур
Джанкойский	143	141 808	992	117 017	2 275	390
Евпаторийский	158	203 618	1286	145117	2446	198
Феодосийский	88	63638	723	44440	3335	1399
Керченский	57	83714	1469	57820	3567	76
Судакский	114	3745	33	228	190	709
Карасубазарский	118	89618	759	34200	1183	2183
Симферопольский	138	117896	854	76391	2029	2341
Бахчисарайский	120	19341	161	3765	335	1012
Севастопольский	42	6422	153	2000	48	556
Всего по Крыму	978	729800	746	480978	15425	8874 ¹

власти? Большевистская аграрная программа никогда не предусматривала передачи земли в собственность крестьян. Большевики намеревались создать на национализированных землях крупные советские хозяйства (совхозы) и, как явствует из высказывания Ленина на II съезде Советов, не были согласны с лозунгом «земля – крестьянам» и не отказывались от своих планов

коллективизации в дальнейшем. Социалистическая будущность покажет и докажет потом, что правыми окажутся те, у кого была реальная политическая власть. Убедительным подтверждением тому является практика социалистических преобразований крымской деревни на протяжении 20-х годов. В самые последние дни гражданской войны органы Советской власти уже приступили к реализации своих планов в сфере поземельных отношений в Крыму. 16 ноября 1920 года было организовано Управление совхозами, «которое объединяло все имения нетрудового типа». К марту 1921 года было учтено и обследовано 978 хозяйств с общей площадью 729.800 десятин. В дальнейшем на учет брались и другие имения. К середине 1921 года в ведении Управления совхозами находилось уже 1115 частновладельческих хозяйств с общей площадью 789.117 десятин. К этому времени на национализированных землях было создано в Крыму 136 самых первых совхозов^v. Состоявшаяся в мае 1921 года IV областная партийная конференция в своей резолюции отмечала, что в Крыму имеются налицо весьма благоприятные факторы для преобразований всей крымской деревни на коллективистских началах. К числу таких факторов относились: насыщенность полуострова землей; наличие сравнительно широкого слоя крестьянской бедноты, что позволяло в дальнейшем «проводить расслоение крымской деревни и вести пропаганду социалистического земледелия через органы Всеработземлеса»^{vi}. Партийные, советские и земельные органы приступили к созданию сельскохозяйственных коммун, товариществ и артелей. Членами их становились исключительно бедняцкие слои деревни, а также демобилизованные из армии красноармейцы. К концу 1921 года в Крыму появилось 7 коммун, 32 товарищества по совместной обработке земли и 48 артелей. Общая сеть всех коллективных объединений, включая и совхозы, насчитывала в это время 323 хозяйства^{vii}.

17 октября 1921 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О сельскохозяйственных коллективах». Главная его суть сводилась к трем моментам:

1. В условиях новой экономической политики все сельхозколлективы приравнивались в отношении выполнения государственных налогов к хозяйствам единоличников, им предоставлялось право после выполнения государственных планов поставок сельхозпродукции распоряжаться излишками по своему усмотрению.

2. На сельскохозяйственные коллективы распространялось действие «Положения о сельскохозяйственной кооперации» от 16 августа 1921 года.

3. Сельхозколлективы, имевшие общегосударственное значение (семенные, племенные, опытные) передавались в непосредственное ведение Наркомзема. Подписали это постановление Калинин и Ленин^{viii}. Этот документ вдохновлял крымских сторонников коллективных форм землепользования. Но вслед за ним появились и огорчающие симптомы: IV областная партийная конференция была вынуждена признать: «Организация совхозов в Крыму, как преимущественной и доминирующей формы крупного производства, не дала желанных результатов». Это побудило органы крымской власти реорганизовать совхозную сеть. До января 1922 года 41 совхоз был передан в аренду ЦУККу. Военпродснабу, Центросоюзу, Агрослужбе, Наркомпросу, кооперативам и артелям. В ведении Крымсовхоза (образован на базе Управления совхозами) оставалось 95 хозяйств с общей площадью земли 106.283 десятины, из них 66.909 десятин пашни, 1.441 десятина сада и 807 десятин виноградников. Все совхозы были разбиты на 20 групп, во главе каждой из них были поставлены заведующие, подчинявшиеся непосредственно Крымсовхозу. Предполагалось, что такая реорганизация позволит достигнуть более полного взаимодействия между крымским центром и местным управлением совхозами. Однако этого не произошло: начавшийся массовый голод, крайне

тяжелое финансовое положение только что провозглашенной республики поставили совхозную систему перед выбором: либо совхозы ликвидировать, либо сдать в аренду. Было решено пойти по второму пути. К февралю 1922 года Крымсовхоз сдал в аренду еще 65 совхозов. Все они и ранее сданные в аренду перешли в ведение вновь образованного Управления Государственных Земельных Имуществ (ГЗИ). В подчинении Крымсовхоза оставалось 30 совхозов, в которых было 50.189 десятин земли, но засевалось весной в 1922-1923 годах не более 25%^{ix}. Но это мало смущало крымских руководителей, продолжавших ставить перед совхозами грандиознейшие задачи: «доказывать преимущества социалистического хозяйствования перед капиталистическим, явить лучшую организацию и высокую производительность труда, резко повысить культуру земледелия, стать прологом к воссозданию крупного сельскохозяйственного производства»^x. Чтобы сохранить оставшуюся сеть Крымсовхоза, президиум Крымского обкома РКП(б) постановил: «Использовать все средства ЦК помгола, отпущенные ему на восстановление сельского хозяйства, на поднятие совхозов как опорных пунктов возрождения сельской экономики»^{xi}. В начале 1923 года по заданию Крымского обкома РКП(б) в республике был составлен «Перспективный план развития советских хозяйств Крыма на 1923-1933 годы». В преамбуле этого документа отмечалось, что имевшиеся совхозы «не являются показательными для населения вследствие недостатка рабочего скота, плохой организации и использования наемного труда». Для превращения совхозов в агрокультурные и показательные центры предлагалось: увеличить кредитование совхозов; использовать многопольные севообороты; делать основную ставку на овцеводство и свиноводство; снижать себестоимость производства, улучшать технику обработки почвы; подчинить полеводство животноводству; осуществить переход от рабочего вола к рабочей лошади;

содействовать развитию молочного скота и другие мероприятия^{xii}. На протяжении 1924 года совхозному строительству Крыма была оказана существенная поддержка ссудами: краткосрочные на сумму 53.036.403 рубля, долгосрочные – 10.931.497 рублей, отсроченные – 9.303.459 рублей^{xiii}. Это помогло несколько улучшить материальное положение совхозов, но желаемого сдвига в их работе не было достигнуто. Посевная площадь совхозов в 1924 году не только не увеличилась против 1923 года, а снизилась с 13.780 до 12.208 десятин^{xiv}. Проведенное Наркомземом Крыма обследование состояния совхозов выявило безотрадную картину. В сводке для СНК Наркомзем сообщал: «Частая смена руководства в них, низкая рентабельность различных отраслей хозяйства, отсутствие налаженной отчетности, систематическая умышленная порча садовых угодий. Сады населением разгораживаются, садовые будки и деревянные сараи разбираются на топливо, ведутся порубки фруктовых деревьев, хотя лес рядом»^{xv}. Несмотря на государственную финансовую помощь, экономическое положение совхозов продолжало ухудшаться. Встал вопрос о сдаче всех совхозных земель в аренду и перенесении центра тяжести в работе на селе на организацию сельхозартелей и других коллективных объединений, состоящих не только из бедняцких, но и середняцких хозяйств. К осуществлению такой задачи приступили с выделения определенных населенных пунктов, с которыми заключались договоры о переходе к кооперативным формам использования сельхозмашин и установления общих планов ведения хозяйства всеми жителями деревень и поселков. В 1925/1926 хозяйственном году было подписано 53 таких договора. Все вновь созданные сельхозобъединения имели общую форму землепользования, а сельхозартели – обобщественную. Ставка на сельхозобъединения (именовались они и земельными обществами) делалась потому, что сельхозартели, как и совхозы, скомпрометировали себя в

глазах крестьянства. Наркомзем Крыма Меметов в 1925 году заявил: «В отношении коллективных хозяйств мы не имеем реальных результатов»^{xvi}. Но Москва требовала расширения совхозно-колхозного строительства. Крымское руководство подвергалось в ЦК ВКП(б) критике за то, что оно медлило с созданием колхозных хозяйств на бывших помещичьих землях. В ответ на эту критику секретарь Крымского обкома партии Петропавловский на XI партконференции говорил так: «Указывалось, что нами мало использовались помещичьи земли для коммун. Это надо будет еще посмотреть, но плохо будет, если мы коммуны и колхозы будем строить исключительно на помещичьих землях. Нам необходимо строить их на крестьянских землях, и лишь тогда мы можем рассчитывать на здоровый элемент социализма»^{xvii}. С начала 1925 года в Крыму развернулась подготовка к Всекрымскому съезду колхозов. В печати велась усиленная агитация за переход крестьян к коллективному труду. В предсъездовский период осуществлялись обследования 164-х коллективных хозяйств, в том числе 11 коммун и 153 артелей. Из этого числа колхозов только 12,8% имели трехлетний стаж своего существования, остальные – не более одного-двух лет. В 1922 году было создано 30,5%, в 1923 году – 23,3%, в 1924 году – 33,5%. Самый большой удельный вес в составе колхозов приходился на татар (37,31%) и русских (25,45%). На одну сельхозкоммуна приходилось в среднем 477,7 десятины земли, на одного коммунара – 70 десятин, тогда как на один крестьянский двор – 20-25 десятин. Из 11 коммун 4 были безлошадными, 6 не имели волов, 4 не имели коров. 124 артели не имели лошадей и 143 – волов. Средняя земельная площадь на одну артель составляла 59,5 десятины. Ни в одном из коллективных хозяйств не было мелкого скота и птицы. Почти вся земля, дополнительно отведенная из государственного фонда в арендное пользование коммун и артелей,

оставалась неиспользованной^{xviii}. Эти данные свидетельствовали о том, что коллективные хозяйства по своему численному составу были мизерными и владели жалкое существование. Всекрымский съезд колхозов открылся в Симферополе 2 марта 1926 года. К тому времени в республике было зарегистрировано 1154 колхоза. Но в процессе работы съезда выяснилось, что эта цифра не соответствует действительности, фактически их было 427. Общая площадь колхозов составляла 80.000 десятин, но обрабатывалось менее половины. В колхозах состояло 20.000 человек. В докладах и выступлениях на съезде говорилось о том, что многие вновь создаваемые колхозы самоликвидировались. В принятой съездом резолюции признавалось, что «коллективные хозяйства в Крыму еще не стали определяющим фактором сельского хозяйства, они нуждаются в серьезной государственной поддержке по линии кредитования для укрепления материальной базы, в лучшей организации труда и постановке учета»^{xix}.

Численность колхозов Крыма в 1921-1926 годах.

Годы	Количество зарегистрированных	Количество существующих	Количество ликвидированных	% существующих	% ликвидированных
1921	134	35	99	26,1	73,9
1922	368	46	322	12,5	87,5
1923	87	52	35	59,7	40,3
1924	195	145	50	74,3	25,6
1925	200	149	51	74,5	25,5
1926	984	427	557	40,1	58,9 ^{xx}

После съезда колхозов Крымский обком ВКП(б) направил в деревни большую группу партийных, советских и хозяйственных работников для оказания помощи комячейкам и сельсоветам в создании новых колхозов и организации их работы. В дальнейшем стали регулярно проводиться обследования состояния колхозного строительства по отдельным районам. Поступавшие в обком партии материалы показывали, что положение колхозов в лучшую сторону не менялось. Примером тому могут служить итоги обследования в конце

1926 года инструктором обкома Джанкойского района. Здесь числилось 227 колхозов, из них 4,4% - коммуны, 73% - артели, 18,7%- переселенческие товарищества и 1,1% - машинные товарищества с коллективной обработкой земли. Из всех имевшихся в распоряжении колхозов земель обрабатывалось только 43,12%, 3,31% сдавались в аренду и 53,57% пустовали. Бюджеты колхозов слагались из таких источников: 31,4%- собственные средства, 61,7% - заёмные, 7,7% - паевые капиталы. По-прежнему колхозы пребывали в карликовом состоянии и на экономику сельского хозяйства района не оказывали значительного влияния^{xxi}. Подобное положение обнаруживалось и в других районах республики. С началом расселения по степной части Крыма жителей малоземельных предгорных районов крымская власть получила возможность в массовом порядке создавать земельные общества. Наркомзем Крыма Зубиетов так оценивал эти возможности: «Когда мы ставим вопрос переселения, то стремимся строить хозяйство по новому образцу. При постройке посёлков для переселенческих хозяйств мы исходим из наших планов реорганизации крестьянского хозяйства вообще. В этом смысле мы и думаем провести нашу работу по переселению»^{xxii}. К 1926 году в основном закончился срок аренды совхозов и они снова перешли в ведение Наркомзема. Но их экономическое состояние было плачевным. Наркомзем Крыма Зубиетов характеризовал его так: «Хозяйство совхозов очень медленно продвигается вперёд. Я видел таких рабочих в этих совхозах, которые богаче самих совхозов. У них есть сотни индюков, свиней, поросят и кур. Когда смотришь на эту картину, то в первую минуту думаешь, что этот совхоз очень богат. А когда спрашиваешь, - оказывается, не совхоз так богат, а это имущество рабочего. Какая же это база социалистической экономики в деревне?»^{xxiii}. Не лучше обстояли дела и с колхозами. Тот же Наркомзем на бюро обкома

партии в июне 1927 года докладывал: «В 1924- 1926 годах было зарегистрировано свыше 1.000 колхозов, сейчас мы их имеем 406, остальные распались. Главная причина: стремление уйти на единоличное хозяйство. 50% колхозов нерентабельны, живут за счёт государства. Замечаются случаи выхода из артелей после того, как артельное хозяйство помогло им улучшить материальное положение. Доля Наркомзема в бюджете Крыма составляла: в 1924 году- 9%, в 1925 году- 9,7%»^{xxiv}.

Несколько лучше складывалось положение в земельных обществах. На 1 июня 1927 года в Крыму было зарегистрировано 1049 таких объединений. Они создавались при наличии не менее трёх крестьянских дворов, пожелавших объединиться для совместного труда. Артели и коммуны, имевшие свои самостоятельные отводы земель, также стали признаваться земельными обществами. Последние несли полную ответственность перед государством за правильное использование находившихся в их пользовании земель. Если территория земельного общества совпадала с территорией сельсовета, функции земельного совета исполнял сельский совет, что предусматривалось специальной статьёй Земельного Кодекса. Земельные общества считались существующими после их регистрации в земотделах райисполкомов^{xxv}. Органы власти стремились проводить в состав земсоветов только представителей бедноты. Это обстоятельство порождало желание зажиточной части деревень отделяться от бедноты, создавать свои земельные общества. Крымский обком ВКП/б/ так оценивал эти факты: «Отмечая тенденцию к выделению зажиточной части деревни в самостоятельные земельные общества и усматривая в этом желание зажиточников избавиться от последствий общения с беднотой – считать эту тенденцию вредной и недопустимой»^{xxvi}. *Членами земельных обществ состояли представители разных национальностей*

Крыма, о чём свидетельствуют данные на 1 мая 1927 г.:

Национальность	Количество крестьянских дворов, состоявших в земобществах	Национальность	Количество крестьянских дворов, состоявших в земобществах
Русские	29.525	Украинцы	11.740
Татары	34.702	Немцы	8.237
Болгары	2.548	Греки	2.230
Армяне	997	Евреи	1.246
Караимы	260	Прочие	1.800 ^{xxvii}

В октябре 1927 года Наркомзем Крыма организовал обследование различных секторов сельского хозяйства с целью выяснения их вклада в общий объём сельхозпродукции. Была выяснена следующая картина:

Продукция совхозов и колхозов в сравнении с единоличными хозяйствами в тысячах рублей (довоенных).

Категории хозяйств	1924 год	1925 год	1926 год	1927 год
Единоличные	34209,9 90%	59689,3 91,9%	57766,2 93%	48416,0 91,7%
Колхозы	1749,6 4,6%	2957,1 4,5%	2359,9 3,8%	2596,0 4,9%
Совхозы	2021,0 5,4%	2294,0 3,6%	1964,7 3,2%	1780,9 3,4% xxviii

Из данных таблицы видно, что на протяжении 1924-1927 годов доля колхозов в валовом продукте сельского хозяйства Крыма составляла от 3,8% до 4,8%, совхозов - от 3,2% до 5,4%. Стало быть, основным источником продуктов питания и товарного хлеба являлись в это время индивидуальные крестьянские хозяйства. Роль коллективных хозяйств в этом плане была незначительной. Тем более, если учесть, что власти Крыма были склонны приукрашивать официальные данные по колхозам и совхозам. Большие надежды, возлагавшиеся на резкий подъём совхозного производства при существенной финансовой помощи государства, улучшения материального положения рабочих, не оправдались. Обследования показывали, что доходы рабочих совхозов не росли, а падали.

Бюджет рабочих совхозов Крыма.

Статьи дохода	В среднем на одно хозяйство			
	Сентябрь-октябрь 1926 г.		Февраль-март 1927 г.	
	деньгами	В % к отношению к доходу	деньгами	В % к отношению к доходу
1. Зарплата главы семьи	35 р. 53 к.	31,5	27 р. 24 к.	30,2
2. Прочие доходы главы семьи	нет	нет	3	3,3

3. З/плата и др. доходы членов семьи	10	8,9	4 р. 36 к.	4,8
4. Продажа и поступление продуктов собственного хозяйства	27 р. 28 к.	25,1	11 р. 64 к.	12,9
5. Кредит в кооперативах и лавках	18 р. 42 к.	16,3	12 р. 85 к.	14,2
6. Продажа вещей и запаса продовольствия	0-20 к.	0,2	нет	нет
7. Занято в долгу частных лиц	6 р. 30 к.	5,6	1 р. 08 к.	1,2
8. Прочие виды дохода	5 р. 64 к.	5,0	3 р. 48 к.	3,8
Итого:	112 р. 71 к.	100	90 р. 43 к.	100^{xxx}

Жизненный уровень рабочих не повышался, а снижался, что подтверждают следующие официальные данные КрымЦСУ:

Расходная часть бюджета рабочих совхозов Крыма.

Статьи расходов	В среднем на одно хозяйство			
	Сентябрь-октябрь 1926 г.		Февраль-март 1927 г.	
	деньгами	В % к общему расходу	деньгами	В % к общему расходу
1. Отопление и освещение	2 р. 57 к.	2,5	9 р. 36 к.	10,4
2. Питание	54 р. 75 к.	53,5	57 р. 85 к.	64,0
3. Алкоголь	0-73 к.	0,7	0-66 к.	0,73
4. Табак и спички	1 р. 44 к.	1,4	1 р. 35 к.	1,5
5. Одежда и обувь	22 р. 14 к.	21,6	6 р. 78 к.	7,5
6. Культрасходы	1 р. 16 к.	1,1	0-77 к.	0,84
7. Общественно-политические расходы	1 р. 93 к.	1,9	0-98 к.	1,8
8. Гигиена	0-26 к.	0,3	0-46 к.	0,05
9. Лечение	0-15 к.	0,1	3 р. 01 к.	3,3
10. Расходы на производственные нужды	2 р. 52 к.	2,5	2 р. 79 к.	3,1
11. Мебель и хоз. принадлежности	4 р. 37 к.	4,3	0-35 к.	0,4
12. Прочие расходы	10 р. 32 к.	10,1	6 р. 07 к.	5,81
Итого:	102 р. 34 к.	100	90 р. 00 к.	100^{xxx}

После XV съезда ВКП(б) вопросы коллективизации крымской деревни стали предметом самого пристального внимания обкома партии, ЦИК и СНК Крыма. Эти руководящие инстанции ориентировали

земельные органы республики на быстрейшее завершение землеустроительных работ с целью выделения земель существовавших колхозов и создания новых. В 1927 году в Крым было завезено 124.000 пудов хлеба с Украины. Руководство республики ставило перед Наркомземом задачу поднять совхозно- колхозное производство на такой уровень, при котором можно было бы уже в 1928 году отказаться от ввоза хлеба извне^{xxxі}. В ходе землеустройства колхозы получали в дополнение к имевшимся самые лучшие земли запасного фонда ГЗИ. К 1927 году в расчете на одного едока они имели посевов гораздо больше, чем крестьяне индивидуальных хозяйств. Приведем конкретные данные на этот счет. *Количество посевов, приходившихся на одного едока в единоличных хозяйствах и колхозах.*

Годы	Количество посевов, приходившихся на 1 едока в единоличных хозяйствах в гектарах	Количество посевов, приходившихся на 1 едока в колхозах в гектарах
1923/1924	1,21	0,56
1924/1925	1,32	0,61
1925/1926	1,67	3,0
1926/1927	1,82	4,5 ^{xxxii}

Данные таблицы показывают, что в 1927 году на одного едока-колхозника приходилось посевов почти в 3 раза больше, чем в единоличных хозяйствах. Но это не стало решающим фактором для обеспечения преимуществ колхозного производства перед частным. Наркомзем Крыма в ноябре 1927 года отмечал: «Коллективные хозяйства по-прежнему бедствуют, не хватает инвентаря, а имеющийся растаскивается по домам. Земельные площади наполовину не обрабатываются и пустуют, низкая урожайность»^{xxxiii}.

В самом начале 1928 года в Крыму было предпринято обследование имущественного состояния членов колхозов. Выяснилось следующее положение: до вступления в колхоз безземельные крестьяне составляли 47,8%, имевшие свои наделы – 52,16%. Совсем не имели сельхозорудий 74,78%,

недостаточное количество – 23,17%, обеспеченные ими – 2,05%. Безлошадных – 68,42%, с одной лошадей – 10,99%, с двумя лошадей – 18,2%; с тремя лошадей – 1,12%, свыше трех лошадей – 1,27%. Было совершенно ясно, что в колхозы вливались главным образом безземельные и малоземельные крестьяне, не имевшие сельхозорудий труда и не обеспеченные тягловой силой. Относительно состоятельные в экономическом отношении хозяйства составляли среди членов колхозов не более 2%^{xxxiv}.

29 октября 1928 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О выделении земель для образования новых крупных зерновых советских хозяйств». Коснулось оно и Крыма, руководству которого было предложено выделить на эти цели 60.000 гектаров земли^{xxxv}.

15 января 1929 года президиум СНК Крымской АССР принял свое постановление «О строительстве зерновых совхозов Крыма». Оно предусматривало передачу новым совхозам всех построек и колодцев ГЗИ. Наркомзему предлагалось немедленно приступить к работам по переселению землепользователей на другие фонды^{xxxvi}. Получилось так, что переселять пришлось тех, кто получил земельные участки по переселению из предгорных и горных районов. Разумеется, это вызвало недовольство действиями властей. Но на это тогда мало обращалось внимание: на первый план выдвигались интересы государства, а не единоличников. В 1928-1929 годах сеть коллективных хозяйств Крыма примерно удвоились, о чем позволяет судить *материал обследований четырех районов – Севастопольского, Бахчисарайского, Симферопольского и Ялтинского.*

Сельхозколлективы	На 1 октября 1928 г.	На 1 апреля 1929 г.
Коммуны	19	20
Артели	425	661
ТОЗы	177	594
Итого:	621	1275^{xxxvii}

Кроме всего прочего, обследования крымской деревни в 1928-1929 годах по-прежнему обнаруживали плачевное

состояние колхозно-совхозной системы. Это вынуждало органы Советской власти Крыма изыскивать возможности заготовок продовольствия за пределами республики. Так, 18 августа 1928 года, по сообщению председателя Крым СНК Шугу, пленум обкома партии принял такую резолюцию: «Решительно поддержать решение бюро ОК от 14 августа 1928 года о постановке перед центральными органами вопроса о немедленном ввозе в Крым хлеба и о включении Крыма в план хлебоснабжения на 1928/1929 год»^{xxxviii}. Главное заключалось в том, что коллективные хозяйства, несмотря на огромные затраты государственных средств на их развитие, почти не увеличивали объемов своей продукции, а крестьянство отказывалось продавать ее государству по мизерным ценам. Возникли затруднения со снабжением хлебом населения городов.

Прояснился и национальный состав колхозов по состоянию на 1 апреля 1929 года.

Национальность	Удельный вес в составе колхозов	Национальность	Удельный вес в составе колхозов
Татары	54,96%	русские	30,02%
немцы	5,92%	евреи	3,4%
греки	1,12%	болгары	1,10%
караимы	1,0%	прочие	3,5%

Серьезные недочеты в работе совхозов и колхозов были отнесены на счет «ибраимовщины», якобы захлестнувшей работников земельных органов Крыма. ВЦИК и СНК РСФСР 11 февраля 1929 года приняли постановление о проведении в Крыму новой земельной реформы с обязательным сплошным землеустройством. Это постановление отменяло действие на территории республики целого ряда узаконений Крымской АССР, принятых в 1924-1927 годах. Принятое тогда же Положение о земельной реформе в Крыму предусматривало: выявление нежизненных и лжеколхозов; устранение «диких» объединений; очистку их от кулацких и других антисоветских элементов,

«окоммунизирование» руководящего состава колхозов; введение в них правил внутреннего распорядка и строгое наблюдение за их выполнением^{xxxix}.

Разрешению этих задач была призвана содействовать отчетно-выборная кампания в колхозах Крыма. Она была начата 25 февраля и закончена 1 апреля 1929 года. КрымЦИК и КрымСНК в самом начале кампании опубликовали «Обращение к трудовому земледельческому населению Крыма» с призывом способствовать органам власти в укреплении совхозов, колхозов и ТОЗов, созданию новых коллективных объединений^{xl}. В ходе кампании из колхозов было исключено по политическим мотивам 17,3% их членов. Удельный вес коммунистов среди руководителей хозяйств вырос с 5,6% до 21,8%^{xli}. Но сама кампания воспринималась неоднозначно не только крестьянством, но и составом управленческого аппарата Крыма. В партийной организации снова возникли разногласия, стали навешиваться ярлыки «правый» и «левый». Для примера сошлемся на высказывание одного из делегатов крымской областной партийной конференции: «Иногда думаешь: не лучше ли стать левым, не лучше ли ограничиться в партии работой, обычной для левых, – ругать кулаков, националистов, критиковать и получать аплодисменты... Возьмите так называемых правых – их так называют левые. В их лице вы найдете действительно деловых работников-коммунистов, а левая часть занимается исключительно критикой тех вопросов, которые выдвигают правые товарищи. Творческую работу ведут именно правые товарищи, а левые разрушают ее. Если возьмете историю левых, вы там не найдете никакой творческой работы»^{xlii}. В самом конце 1929 года в Крыму насчитывалось 26 коммун, 59 совхозов, 727 артелей, 767 ТОЗов, всего 1525 коллективных хозяйств, в

которых состояло 27% общего числа крестьян республики. Колхозы из 10 крестьянских дворов составляли 8,57%, от 11 до 20 дворов – 30,5%, от 21 до 30 дворов – 18,4%, от 50 до 100 дворов – 13,9%^{xliii}. Побывавший в Крыму представитель ВЦИК Досов докладывал в Москве: «Крайнее обострение классовой борьбы в крымской деревне в связи с земельной реформой, коллективизацией и решительным наступлением на капиталистические элементы деревни – все это является достаточно ярким опровержением правооппортунистической теории о возможности «мирного вращивания кулака в социализм»^{xliiv}. Примерно так же оценивал состояние дел в Крыму и докладчик на XV областной партийной конференции в июне 1929 года по вопросу строительства колхозов в республике Самединов: «Главное, что мы должны констатировать, что перелом в сторону социализма, что является важнейшим политическим достижением. Перелом был случайным или нет? У него очень глубокие корни, что является совершенно очевидным и бросается в глаза не только каждому из нас, но и нашим врагам». Но то, что было для Самединова совершенно очевидным при изложении доклада, превратилось в нечто противоположенное в его заключительном слове: «Мы увлеклись созданием крупных колхозов-гигантов. Например, в Ялтинском районе уже в октябре 1929 года перешли на сплошную коллективизацию. В течение двух месяцев район был коллективизирован, за ним пошли все остальные районы. У нас проявилось увлечение количеством, было даже соцсоревнование, кто больше создаст колхозов, из-за этого не обращалось внимание на качество колхозного строительства. Этим вопросом совершенно не интересовались. Создавали кусты и гиганты, а в Ялтинском районе даже требовали

помимо гигантов создавать комбинаты. Вот таким образом мы шли вперед и поэтому допустили громаднейшие ошибки в темпе коллективизации. Они способствуют сейчас выходу середняка из колхозов. Даже бедняцкие хозяйства уходят из колхозов»^{xliv}.

Тот же самый Самединов в другой раз признавал: «Мы вовлекали в наши колхозы середняков главным образом принуждением. Мы вовлекали середняка не путем поднятия его активности, не путем показа рентабельности и выгоды быть в колхозе, а допускали ошибки в смысле привлечения и вовлечения середняка в колхозы путем насилия. Мы применяли нередко методы довольно грубые, бывали случаи, когда объявляли на собраниях – или иди в колхоз, или на все четыре стороны. Был, конечно, единственный выход – войти в колхоз. Был применен даже такой метод, когда объявляли бойкот и бойкотировали целые деревни и селения. Не давали им продукции, не давали воды, не давали корма и говорили, кто не за колхозы, тот против колхозов, против Советской власти. Относили их к кулацкой группе, лишали права голоса и ликвидировали их как кулаков. ...Средняки принудительным образом вовлекались в колхозы и лишались тех политических прав, которые были даны им советским законодательством»^{xlvi}.

По нашему убеждению, приведенные высказывания Самединова на XV областной партийной конференции полностью перечеркивают его собственный вывод о крупных политических достижениях в коллективизации. Не подтверждался этот вывод и заключениями ряда комиссий, обследовавших коллективные хозяйства в 1929 году. Приведем выдержки из этих документов. Из заключения комиссии Севастопольского райкома ВКП(б) по обследованию коммуны «Безбожник» 2 июля 1929 г.: «Прибыли – никакой,

убытка – около 1000 рублей. Основная отрасль хозяйства – виноградно-винодельческая. Низкая урожайность винограда, общая запущенность виноградников, прогрессирующее их ухудшение, частая смена руководства, текучесть членов. Комиссия считает необходимым оказание коммуне помощи решительной и немедленной». Из заключений комиссии по обследованию коммуны «Ливадийский путь»: «Не имеет никакого инвентаря, ни живого, ни мертвого, за исключением нескольких лопат. Устав коммуны зарегистрирован 18 декабря 1928 года. За время работы коммуны ею получены кредиты 600 рублей, затрачены главным образом на приобретение посуды, обмундирования и на наемную рабочую силу. Численность коммуны – 21 двор, 101 человек, трудоспособных – 65 человек. Часть членов коммуны выехала обратно в северные губернии в связи с тем, что коммуна, не имея никакого дохода, не может прокормить своих членов»^{xlvi}. Подобное положение обнаруживалось во многих других хозяйствах. Анализируя представленные комиссиями материалы, зам. зав. орготделом обкома партии Даутов и зам. зав. отделом информации Рубинштейн составили строго секретное сообщение для членов бюро обкома партии, в котором содержались такие оценки положения дел: «Принуждение бедняцко-средняцких масс к обязательному вступлению в колхозы, что обостряет их ненависть к коллективизации, облегчив популяризацию кулацких настроений и лозунгов. Местные работники не уяснили линии партии в колхозном строительстве, не провели достаточно массовой политико-разъяснительной работы в деревне и не организовали бедняцко-средняцкие массы, не возглавили ее и не сумели направить по должному пути... По цифровым данным наблюдается якобы рост членов колхозов за счет бедноты, но в то же

время снижается удельный вес зажиточных и середняка, что при тщательном анализе этого роста нами выявлено, что повышение удельного веса бедноты идет за счет внутренней перегруппировки одних и тех же членов, т.е. перехода зажиточных в группы середняка, а середняка – в группы бедноты. Указанное искусственное вымывание кулачества и середняков в группы бедноты является не единичным, а массовым явлением»^{xlvi}. Подобной эволюции невозможно обнаружить в истории ни одной другой страны мира, где бы крестьянство не желало быть богатым, а стремилось к бедности. Только политика советских властей побуждала к такому неестественному ходу событий. Крестьянская нищета возводилась в СССР в ранг официальной политики: выгодно было быть бедным и невыгодно быть богатым.

И все же крымское руководство имело все формальные основания считать себя передовиками колхозного строительства. Крым по темпам коллективизации уже в 1929 году значительно опережал другие регионы СССР: по состоянию на 15 мая 1929 года здесь было коллективизировано 16,7% всех крестьянских хозяйств, тогда как в Украинской ССР только 5,6%, на Северном Кавказе – 7,2%, в Нижневолжском крае – 6,3%, в Башкирской АССР – 5,5%, в Уральской области – 5,2%, в Сибирском крае – 4,5%^{xlix}. Но в погоне за количеством колхозов мало внимания уделялось их качеству: никакого образца для подражания индивидуальным крестьянским хозяйствам они не явили. Такая же ситуация складывалась по всему Советскому Союзу. Свидетельством того является принятая ЦИК и СНК СССР в октябре 1929 года «Инструкция по очистке коллективных объединений от кулацких и разложившихся элементов». Согласно ей, удалению из колхозов подлежали: а) все кулаки и

лишенные избирательных прав по тем или иным причинам; б) все члены, которые сейчас не лишены избирательных прав, но ведут разлагающую работу; в) бывшие нетрудовые элементы, занимавшиеся в прошлом непроизводительным трудом¹. Только отрицательный результат колхозной деятельности в масштабах всей страны мог породить такой документ. Провалы в колхозном строительстве объяснялись происками кулацких и других дезорганизаторских элементов. Власти СССР не хотели считаться с экономическими интересами истинно трудового крестьянства и применили к нему «пролетарскую твердость».

В самом начале 1930 года КрымЦСУ опубликовал *данные о сравнительной урожайности в индивидуальных крестьянских хозяйствах, колхозах и*

Наименование культур	1927 год			1928 год			1929 год		
	Индивидуальн.	Колхоз.	Совхоз.	Индивидуальн.	Колхоз.	Совхоз.	Индивидуальн.	Колхоз.	Совхоз.
Рожь озимая	5,5	5,5	14,1	4,0	4,2	4,7	7,4	7,7	8,0
Пшеница яровая	8,7	8,8	10,3	5,0	5,2	4,1	6,7	7,0	8,0
Овес	2,4	2,4	0,9	5,7	5,7	4,8	8,3	8,4	8,7
Ячмень озимый	4,9	3,7	4,3	0,5	0,6	1,0	1,2	1,2	4,0
Ячмень яровой	1,9	1,6	1,3	6,3	6,3	6,3	6,9	6,9	6,9
Кукуруза	4,0	4,0	1,1	3,6	4,1	2,0	8,6	8,9	9,0

совхозах за 1927-1929 годы.

Пребывавшая в это время в Крыму комиссия ЦК ВКП(б) во главе с Досовым, ознакомившись с положением дел в крымской деревне, подвергла эти данные сомнению. Но если даже и поверить в их объективность, они не подтверждают явных преимуществ коллективного труда перед индивидуальным. Тем более, что государство максимально поддерживало колхозы материально и, напротив, всемерно сужало возможности единоличников. Уже упоминавшийся нами Самединов на XV партконференции говорил: «Нами поставлен вопрос о ликвидации колхозных кустов, так как они пожирают сами колхозы. Стоимость аппарата куста обходится от 65 тысяч до 85 тысяч рублей. В Кучук-Узень

зарплата председателя 90 рублей, заместителя – 70 рублей, главного бухгалтера – 150 рублей, помощника бухгалтера – 100 рублей, счетовода – 75 рублей, секретаря – 70 рублей в месяц. Содержание аппарата в месяц 555 рублей, в год – 6.600, а колхозы в среднем дают прибыль 13 рублей в год»¹¹.

Вопреки этим фактам председатель Совнаркома Крыма М. Кубаев утверждал: «Пути развития в Крыму сельского хозяйства, его состояние и крупные успехи, достигнутые в этой области, являются ярким показателем правильности генеральной линии партии в области коллективизации... Рост колхозного и совхозного производства в Крыму – убедительный ответ всем правым и левым оппозиционерам, подвергшим ревизии линию партии и ее Центрального Комитета». Но это утверждение не соответствовало реальной действительности. Советские руководители стали принимать желаемое за действительное, а фактически обманывали сами себя и других. Расхождение между словом и делом становилось всеобщим явлением советской практики руководства всеми сферами жизни.

-
- ⁱ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Издание восьмое. Т. 1. – С. 162-163.
- ⁱⁱ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 166.
- ⁱⁱⁱ КПСС в резолюциях и решениях ... Т. 1. – С. 142-144.
- ^{iv} Второй Всероссийский съезд Советов. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 410-412.
- ^v РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 13, д. 502, л. 60.
- ^{vi} ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 138, л. 20.
- ^{vii} Там же.
- ^{viii} Сборник важнейших постановлений и распоряжений ВЦИК VIII созыва. – М., 1921. – С. 126-127.
- ^{ix} ЦГА РФ, ф. 2313, оп. 15, д. 14, л. 17-18.
- Известия Крымского обкома РКП(б), 1922. – № 1 – С. 1-4.
- Третья сессия КрымЦИК (30 июля - 1 августа 1922 года). – С. 4.
- ЦГАРК, ф. Р-30, оп. 1, д. 97, л. 4, 40-41.
- ЦГАРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 268, л. 10.
- Там же. Л. 107.
- ЦГАРК, ф. Р-30, оп. 1, д. 97, л. 16.
- ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 373, л. 108.
- ^{xvii} ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 368, л. 108.
- ^{xviii} ЦГАРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 435, л. 8-12.
- ^{xix} Красный Крым, 1926, 3 марта; ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 391, л. 169.
- ^{xx} ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 391, л. 169.
- ^{xxi} ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 575, л. 23-30.
- ^{xxii} ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 461, л. 18.
- ^{xxiii} ЦГАРК, ф. Р-30, оп. 1, д. 309, л. 79.
- ^{xxiv} Там же, л. 80, 129-130.
- ^{xxv} ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 611, л. 27.
- ^{xxvi} Там же, л. 114.
- ^{xxvii} Там же, л. 105.
- ^{xxviii} ЦГАРК, ф. Р-30, оп. 1, д. 234, л. 5.
- ^{xxix} Бюллетень КрымЦСУ, 1927. – № 8. – С. 63-64.
- Там же, с. 64.
- ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 621, л. 1.
- Там же, д. 599, л. 19.
- ^{xxxiii} ЦГА РФ, ф. 2313, оп. 1, д. 156, л. 17.
- ^{xxxiv} ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 635, л. 47.
- ^{xxxv} ЦГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 1475, л. 1.
- ^{xxxvi} Там же, л. 2.
- ^{xxxvii} ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 924, л. 6.
- ^{xxxviii} Там же, д. 723, л. 151.
- ^{xxxix} Собрание узаконений и распоряжений правительства Крымской АССР, 1929. – № 1. – С. 3-4.
- ^{xl} Там же, с. 11.
- ^{xli} ЦГА РФ, ф. 2313, оп. 12, д. 156, л. 14.
- ^{xlii} ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 368, л. 94-95.
- ^{xliiii} Там же, д. 940, л. 270-275.
- ^{xliv} Там же, д. 855, л. 87.
- ^{xliv} Там же, д. 940, л. 274.
- ^{xlvi} Там же, л. 272.
- ^{xlvii} Там же, д. 926, л. 103, 130.
- ^{xlviii} Там же, д. 924, л. 196, 215.
- ^{xliv} Там же, л. 22.
- ^l Там же, д. 920, л. 86.
- ^{li} ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 855, л. 104.